

Religious and Educational Activities of the Tatars in the Turgai Region at the Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries

Zufar A. Makhmutov

Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research. Kazan, Russia.

Email: [zufar\[at\]inbox.ru](mailto:zufar[at]inbox.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1063-4061>

Received: 19 May 2024 | Revised: 2 July 2024 | Accepted: 9 July 2024

Abstract

In the article the author for the first time analyzes legislative, religious and educational activities of Tatars in the Turgai region on the basis of archival, periodic, statistical sources. This ethnic minority activity is interesting from the point of view of studying the problem of interaction between the empire, the mobile diaspora and the local population in the context of the frontier modernization process. The aim of the study is to identify the main results of religious and educational activity of the Tatar population in the region. The author comes to the conclusion that the main directions of religious-educational work were missionary activities of Tatars in Kazakh auls, construction of mosques, functioning of mektebs and madrasas, theaters, libraries, public Muslim organizations, attempts to publish books, brochures and newspapers. Many of these initiatives were strongly opposed by the empire. The result of the activities of the Tatar population was not only the maintenance of ethno-cultural diversity, but also a versatile influence on the Kazakhs manifested in the religious, cultural, political sphere and in the formation of a multi-ethnic (Tatar-Kazakh) Muslim socio-cultural space of the empire, which became part of the global Islamic network community. The Tatars spread the ideas of Jadidism and became competitors of the Russians in familiarizing the local population with European culture and pedagogy. The article is intended for specialists in the field of history of Kazakhstan, Islam, Tatars, national policy of the Russian Empire.

Keywords

History of Kazakhstan; Turgai Region; History of Kostanay; Religious And Educational Activity of Tatars; Construction of Mosques; Functioning of Madrasahs; Tatar Theater; Muslim Charitable Organizations; Frontier Modernization; Mobile Diaspora

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Религиозно-просветительская деятельность татар в Тургайской области во второй половине XIX – начале XX вв.

Махмутов Зуфар Александрович

Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований.
Казань, Россия. Email: [zufar\[at\]inbox.ru](mailto:zufar[at]inbox.ru) ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1063-4061>

Рукопись получена: 19 мая 2024 | Пересмотрена: 2 июля 2024 | Принята: 9 июля 2024

Аннотация

В статье впервые на основании законодательных, архивных, периодических, статистических источников анализируется религиозно-просветительская деятельность татар в Тургайской области. Данная активность этнического меньшинства интересна с точки зрения изучения проблемы взаимодействия империи, мобильной диаспоры и местного населения в контексте процесса фронтальной модернизации. Целью исследования является выявление основных результатов религиозно-просветительской активности татарского населения в регионе. Автор приходит к выводу, что главными направлениями религиозно-просветительской работы стали миссионерская деятельность татар в казахских аулах, строительство мечетей, функционирование мектебов и медресе, театров, библиотек, общественных мусульманских организаций, попытка издания книг, брошюр, газет. Многие из данных инициатив встретили резкое противодействие имперской власти. Результатом деятельности татарского населения явилось не только поддержание этнокультурного разнообразия, но и разностороннее влияние на казахов, проявляющееся в религиозной, культурной, политической сфере и в формировании полиэтничного (татаро-казахского) мусульманского социокультурного пространства империи, ставшего частью глобального исламского сетевого сообщества. Распространяя идеи джадизма, татары стали также конкурентами русских в ознакомлении местного населения с европейской культурой и педагогикой. Статья рассчитана на специалистов в области истории Казахстана, ислама, татар, национальной политики Российской империи.

Ключевые слова

история Казахстана; Тургайская область; история Костаная; религиозно-просветительская деятельность татар; строительство мечетей; функционирование медресе; татарский театр; мусульманские благотворительные организации; фронтальная модернизация; мобильная диаспора

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Тургайскую область, образованную в 1868 г. в западной части киргизской (казахской) степи, бесспорно, можно отнести к зоне цивилизационного конфессионального и этнического (антропологического) фронта. Подавляющим этническим большинством населения являлись казахи (в дореволюционных источниках именовавшиеся киргизами), ведущие полукочевой образ жизни и исповедовавшие ислам в сочетании с языческими культами. В области не было крупных населенных пунктов, поэтому областное правление и сам генерал-губернатор, в руках которого концентрировалась вся полнота управления регионом, разместились в Оренбурге.

Строительство во второй половине XIX в. в регионе крупных городов Ак-Тюбе (с 1891 г. Актюбинск, с 1999 г. Актобе) и Николаевск (с 1895 г. Кустанай, с 1997 г. Костанай), большая миграция в регион переселенцев, главным образом русских и украинцев из центральной части России, активизировали сложные интенсивные процессы межкультурного взаимодействия и модернизации.

Решение о расширении контактной зоны взаимодействия русского и казахского социумов было продиктовано отчасти и новой стратегией внутренней колонизации степной зоны. Если изначально важная роль в качестве культурных посредников отводилась татарам, то во второй половине XIX в. это решение было пересмотрено. Главная угроза для империи в этот период времени, по мнению историка А. В. Ремнева, стала видеться в соединении национального и конфессионального самосознания восточных народов, в опасной конкуренции, которая могла исходить от наиболее продвинутых в культурном отношении поволжских татар (Ремнев, 2006, с. 7).

Противодействовать влиянию татар было решено по нескольким направлениям: законодательно препятствовать заселению мусульманами региона, ослабить влияние татарских мулл, строго регулировать строительство мечетей и функционирование мусульманских школ, содействовать работе православной миссии, строительству русско-казахских и православных школ и интернатов, внедрению кириллического алфавита в казахский язык.

Целью исследования является изучение основных результатов религиозно-просветительской активности татарского населения в Тургайской области в контексте данной политики государства. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: рассмотреть основные направления религиозно-просветительской активности татарского населения, ее последствия и влияние, в том числе и на кочевое население.

Материалы и методы

Для понимания государственной политики в степной зоне мы проанализировали важнейшие законодательные нормативно-правовые акты того времени («Временное положение об управлении в областях Уральской,

Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской», «Степное положение 25 марта 1892 г.» и т.д.). Нами также была привлечена делопроизводственная документация Национального архива Республики Башкортостан (Ф. И- 295. Оренбургского магометанского духовного собрания), Российского государственного исторического архива (Ф.821 Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Ф. 1291 Земского отдела Министерства внутренних дел), Центрального государственного архива Республики Казахстан (Ф. 25. Тургайского областного правления Министерства внутренних дел, Ф. 27 Директора народных училищ Тургайской области Оренбургского учебного округа). Мы также обратили внимание на дореволюционные средства массовой информации (татароязычные газеты «Вақыт» (Время), «Тормыш» (Жизнь) и русскоязычные «Тургайская газета», «Оренбургские епархиальные ведомости»), статистические источники (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г., Справочная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1917 г.) и свидетельства современников. Совокупность используемых источников позволила в полной мере решить поставленные задачи исследования.

Методологической основой статьи является концепция «фронтирной модернизации», позволяющая осмыслить развитие народов и окраинных территорий до уровня внутренних регионов России в условиях социальной, экономической, культурной гетерогенности, а также слабости имперской власти (Побережников, 2011). В таком контексте религиозно-просветительскую деятельность татар можно рассматривать как одно из проявлений процесса модернизации, а саму этническую группу как «мобильную диаспору». Под мобильной диаспорой Д. Армстронг понимал этническую общность, расселенную дисперсно и характеризующуюся особой деятельностью ее элиты, которую не может выполнить доминирующее население. Ученый подчеркивал, что в условиях присоединения новых территорий властные структуры нуждаются в мобильных диаспорах, но потом могут с легкостью сделать их «козлом отпущения» (Armstrong, 1976).

Историко-сравнительный метод помог выявить обстоятельства и факторы, определившие религиозно-просветительскую деятельность татар в Тургайской области, а историко-генетический метод оценить результаты и последствия этого.

Обсуждение

Культурно-просветительская деятельность татар в степной зоне так или иначе затрагивается в работах В. З. Галиева, С. В. Любичанковского, Д. Ш. Мифтахутдиновой, Н. Д. Нуртазиной, Г. С. Султангалиевой, П. С. Шаблея.

Казахский исследователь В. З. Галиев на материалах внешних окружных приказов демонстрирует значимость татарских мулл в развитии образования и

укреплении магометанской религии у казахов (Галиев, 2009). П. С. Шаблей пишет о вкладе отдельных татарских интеллектуалов в формирование книжной культуры мусульман Казахской степи (Шаблей, 2023).

Отечественный ученый С. В. Любичанковский в своем научном изыскании приходит к выводу, что татары оказали огромное культурное влияние на местное население, проявлявшееся в изменении традиций, связанных с обустройством жилища, приемом пищи, отношением к элементам одежды (Любичанковский, 2019). Солидаризируются с ним Д. Ш. Мифтахутдинова и Г. С. Султангалиева, акцентируя внимание на том, что татары сыграли важнейшую роль в седентаризации казахов (Мифтахутдинова, 2023; Султангалиева, 2023).

Н. Д. Нуртазина уделяет внимание идеям джадидизма, распространявшегося татарами в степной зоне. По ее мнению, именно исламский модернизм стал идеологической основой движения казахской интеллигенции «Алаш», которое в период гражданской войны пыталось провозгласить независимое казахское государство (Нуртазина, 2008).

Реакцию государства на деятельность татар в степной зоне подробно разбирают в своих трудах Ю. А. Лысенко и А. В. Ремнев. Резкое изменение курса по отношению к татарам в середине XIX в. А. В. Ремнев объясняет тремя основными причинами: продвижением государственных границ на юг и восток и превращением казахской степи во «внутреннюю окраину», буржуазными преобразованиями и намерениями реформаторов распространить эти преобразования на восточное население империи, новыми национальными приоритетами, которые, как тогда казалось, за счет «обрусения» народов и территорий имперской периферии обеспечат синтез имперского и национального, позволят воплотить в жизнь идеал «единой и неделимой России». Все они, как полагает исследователь, «покоились на одном основании — на убежденности в том, что следует постепенно устранить правовые и административные различия между внутренними губерниями и окраинами («административная русификация») за счет модернизации и стандартизации имперских управленческих институтов и практик» (Ремнев, 2006, с. 10).

Однако новая ограничительная политика по отношению к деятельности татар не была достаточно эффективна, что, по мнению Ю. А. Лысенко, было связано с несовершенством российского законодательства (Лысенко, 2010, с. 151).

Формирование татарской общины

Татары проживали в Тургайской области с самого момента ее образования. Это были письмоводители, переводчики, делопроизводители у региональных органов власти и местной аристократии, муллы, учителя в казахских кочевьях и торговцы. Они осуществляли коммуникацию между государ-

ственным аппаратом и местным населением, а также поддерживали торговые связи. Их в полной мере можно, следуя терминологии Джона Армстронга, назвать элитой мобильной диаспоры (Armstrong, 1976).

Массовому заселению Тургайской области татарами содействовала близость региона к торговому центру, городу Троицк, где проживала значительная часть татарского населения. Одним из первых крупных мест компактного расселения этнической группы становятся города Тургай (до 1868 г. — Оренбургское укрепление) и Иргиз (до 1868 г. Уральское) через которые проходили караванные дороги из Троицка в Центральную Азию. Чуть позже татары селятся в новом укреплении Ак-Тюбе и Николаевске. В ряде населенных пунктах, например в Николаевске, царская администрация всячески противодействовала нахождению там татар, но потом разрешила их проживание в городе (*Кустанай—Костанай: Очерки истории. С древнейших времен до 1936 г.*, 2012, с. 85).

В 1891 г., согласно статье 136 Степного положения, татарам- мусульманам было запрещено приобретение в регионе земли в частную собственность и ее аренда (*Степное положение 25 марта 1891 г. с объяснениями по официальным источникам*, 1891). В отношении татар, переселившихся в степную зону до принятия нормативно-правового акта, МВД рекомендовало не предоставлять им в религиозном плане «больших льгот, чем коренному населению», «сколько-нибудь значительных прав органов управления, дабы... не допустить постепенного подчинения киргиз такому же влиянию их мулл» (РГИА, 1909, л.15).

В результате численность татар в Тургайской области по Всероссийской переписи 1897 г. была самая незначительная в степной зоне: чуть более 3000 человек (менее 1% от всего населения). (*Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 87: Тургайская область*, 1904, с. 34). Около половины из них проживало в Кустанае: 1411 человек (около 10% от всех жителей города), а также в Актюбинске (276 человек), в Иргизе (251 человек), в Тургае (125 человек). (*Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 87: Тургайская область*, 1904, с. 34).

В 1899 г. Правительствующий сенат в указе на имя министра внутренних дел разъяснил, что статья 136 Степного положения касается лишь земель, находящихся в уездах (РГИА, 1895, л.3). Таким образом, запрет на приобретение татарами дворовых мест в городах был снят, но татары по-прежнему не имели права арендовать и приобретать землю в частную собственность в сельской местности, что фактически запрещало проживать им там на легальной основе.

Лишь в 1907 г. с личного разрешения императора Николая II девяносто пяти татарским семьям удастся получить разрешение на поселение в Уральской и Тургайской областях, поскольку это содействовало развитию торговли в «пустынной колонизируемой местности» (ЦГА РК, 1906-1912, л. 22). В Тургайской области татары селятся в поселках Ак Булак, Карабутаке,

Мартуке, Челкаре (ныне Шалкар) Актюбинского уезда, а также в Семиозерном в Джетыгаре Кустанайского уезда. Они получали усадебные участки и право выпаса скота на общественном выгоне, однако еще долгое время были лишены возможности пользоваться полевой и сенокосной землей наравне с прочими жителями села, иметь голос на выборах сельского и волостного сходо́в.

К 1917 г. численность татар в Тургайской области достигла 10372 человек (около 1%), увеличившись более чем в три раза (*Справочная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1917 г., 1917, с. 139*).

Преподавание и миссионерская деятельность в казахской среде

«Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства», утвержденное в 1868 г., выводило казахов новообразованных Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей из подчинения ОМДС (Оренбургского магометанского духовного собрания), а татарам запрещалось быть мулами у местного кочевого населения, вести их брачные и семейные дела, что практиковалось ранее (*Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, 1883, с. 32*).

Тем не менее во второй половине XIX— начале XX в. татарские муллы продолжали свою просветительско-миссионерскую деятельность на нелегальной основе. Дореволюционный историк А. И. Добросмыслов констатировал, что до сих пор «обучением детей (казахов — З.М.) татарской грамотности занимаются, главным образом, татарские муллы, часто приходящие в киргизские степи для этой цели не только из соседней Оренбургской губернии, но и из дальних губерний, как, например, Казанской» (Добросмыслов, 1895, с. 60). Подтверждал наблюдения ученого и инспектор школ Тургайской области А. Е. Алекторов: «С наступлением летних каникул ученики «старшего круга» во главе с мударисами, ишанами и шейхами расходятся по аулам казахов и проповедуют ислам, отрицая все не мусульманское. По осени они снова возвращаются в Троицк, в медресе и мектебы, некоторые же из них остаются в аулах в качестве мулл и вероучителей и живут в степи несколько лет» (Алекторов, 1896).

По оценкам православного миссионера Ф. Д. Соколова, татарские муллы были в каждом киргизском ауле, а в некоторых и по несколько. В исламизации казахов им, по его мнению, татарскому духовенству продолжали помогать и татарские торговцы, пользующиеся гостеприимством киргизов и снабжающие их разного рода брошюрками и книгами на татарском и киргизском языках (Шумская, 2012, с. 161).

Вместе с религией казахи перенимали и татарские традиции и обычаи. Ф. Д. Соколов отмечал: «Прежде киргизы на могилах ставили только срубы,

а теперь к срубам стали прибавлять еще и камни с арабскими надписями, как это делается у татар, на срубках ставятся стропила, а сверху их и по углам срубов стали приделывать серповидные месяцы» (Соколов, 1894, с. 304).

На связь между исламизацией и «татаризацией» указывал русский учитель Г. Хохлов, обучавший казахских детей в аулах Тургайской области: «Кочевники начинают всячески стараться, чтобы во всем были похожи на татарина. Все они досиная выбриты и франтят в грязных тюбетейках... Старики больше уже не просрочивают, не забывают времени молитвы, аккуратно совершают омовение и намазы, хотя и видно, что дело им непривычное, новое: они делают постоянные ошибки не только в словах непонятных арабских и татарских молитв, но и в молитвенных рикагатах, т.е. поклонах, частенько смешиваются» (Хохлов, 1906, с. 43).

Среди преподавателей в казахских аулах были в будущем известный татарский писатель и языковед Г. Г. Ибрагимов, просветитель, поэт, мыслитель М. Камалетдинов (Акмулла), ученый-востоковед К. Мифтахов, богослов А. Шахид и другие. Многие видные представители казахской интеллигенции и духовенства из Тургайской области получили образование у татарских и башкирских наставников. В их числе писатель, поэт, журналист М. Сералин, писатель С. Кобеев, драматург Б. Ж. Майлин, религиозный деятель, поэт Ф. Сатыбалдыев, актер С. Кожамкүлов и другие.

Противодействие татарскому влиянию востоковед и идеолог миссионерской деятельности Н. И. Ильминский, пользующийся большим авторитетом в высших эшелонах государственной власти, видел в развитии сети православных церквей и школ, а также во внедрении кириллического алфавита. Он писал обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву: «Татары-магометане в числе 30—40 дворов успели как-то втереться и поселиться тут же, — это торгаши, — стало быть, не посягают на киргизские земли, люди твердой религиозности и пропаганды, — сразу, конечно, завели и свое богомолье, и свое ученье. Вот Вам миссионерская обстановка: с одной стороны русские в положении несимпатичном, в борьбе за существование, с другой стороны, тонкие и хитрые татары. Не распространяясь далее в подробностях картины, скажу, что в это и подобные места надо направить казенные средства на устройство церквей и школ, как в Западном крае» (Ильминский, Победоносцев & Никольский, 1895, с. 23).

В 1894 г. в Тургайской области начала работу православная христианская миссия. На ее деятельность ассигновались крупные суммы, необходимые на содержание и разъезды сотрудников, выдачу новообращенным денежных пособий, крестиков, икон, книг и т.п. В регионе стали открываться миссионерские станы в качестве опорных пунктов для распространения среди казах православия. В них организовываются русско-казахские школы, в которых по предписаниям Н. И. Ильминского было необходимо «преподавать сведения и идеи русские и общечеловеческие, а не магометанские, и притом на языке

киргизском, а не татарском; татарского языка вовсе и не следует преподавать киргизам. ... Для наибольшего отдаления киргизов от татарского языка не нужна и татарская грамота, а непременно русская» (Ильминский, 1891, с. 160).

На должность миссионеров и учителей указанных школ подбирались люди, хорошо знакомые с методами казанской крещеной татарской школы. Среди них в Тургайской области в конце XIX – начале XX в. были Л. Ишкинов, С. Т. Никифоров, С. А. Николаев и Е. А. Анисимов, Н. Г. Сейфуллин. Последний долгое время возглавлял миссионерские станы в поселках Макарьевском и в Александровском (Лысенко, 2009, с. 128).

Данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. свидетельствуют о том, что миссионерская деятельность проходила в крае не совсем удачно. В этот год среди всех татар области насчитывалось лишь 5 крещеных, среди казахов – лишь 44 (*Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 87: Тургайская область, 1904, с. 40*). Слабый эффект от христианизации миссионер Ф. Д. Соколов объяснял тем, что «татарин (имеется в виду мусульманин – З.М.) в глазах простого киргиза кажется и набожнее, и богобоязненнее, и рачительнее в деле спасения своей души, а потому и любезнее ему, нежели русский, стыдящийся подчас среди киргиз осенить себя даже крестным знаменем» (Шумская, 2012, с. 167).

Строительство мечетей

В 1883 г., только обосновавшись в Николаевске, татарские переселенцы Ш. Фаткуллин, З. Юнусов, С. Музафаров, Б. Хасанов, Х. Фазлутдинов (Фазлетдинов), Ш. Сафин, Х. Темирбулатов, Г. Мифтахетдинов (Яфаров), К. Темирбулатов, И. Вагапов, Х. Галиев, Х. Аюпов попросили военного губернатора Тургайской области разрешить построить им молитвенный дом «для исполнения молитвенных обрядов по примеру наших прародителей, каждую неделю по пятницам и годовым праздникам», а также вести метрические книги (фиксировать рождение, смерти, браки мусульман) (ЦГА РК, 1883 – 1888, л. 189). Но военный губернатор А. П. Проценко отказал им в этой просьбе, объясняя это тем, что «они еще не зачислены в поселенцы Николаевска, а само поселение основано с целью образования в степи русского оседлого пункта, а не магометанского» (ЦГА РК, 1883 – 1888, л. 133).

В 1884 г., несмотря на запрет, кустанайские татары все равно построили молитвенный дом и начали вести там богослужение. Информация об этом вызвала гнев у губернатора Тургайской области, он распорядился о немедленном закрытии ритуального здания, а николаевский уездный начальник подполковник Караулов и заведующий полицейской частью надворный советники Г. Варлов получили выговор за то, что «сразу не сочли нужным донести о существовании татарского молитвенного дома» (ЦГА РК,

1884 – 1889, л. 6). Однако вскоре чиновники смирились с функционированием в Николаевске мусульманского ритуального здания, но не давали права пристроить михраб и минарет, тем самым воспрепятствуя преобразованию молитвенного дома в мечеть.

С 1891 г. была усложнена система получения разрешения на строительство мечетей в Тургайской области: согласно статье 99 Степного положения, теперь его мог дать только министр внутренних дел Российской империи (*Степное положение 25 марта 1891 г. с объяснениями по официальным источникам*, 1891, с. 82).

В конце XIX в. татары Николаевска несколько раз обращались к министру внутренних дел с ходатайством о строительстве мусульманского храма, однако министр оставлял прошение кустанайских татар без удовлетворения (РГИА, 1909, л. 17).

Аналогичный отказ получили и татары Актюбинска, пожелавшие построить в городе молитвенный дом (РГИА, 1883–1892). Резким противником этого выступил новый военный губернатор Тургайской области Я. Ф. Барабаш, который считал, что «поселение в Степных областях татар, принимающих на себя роль ревностных проповедников ислама среди киргизов, признается вообще нежелательным», а еще менее желательным он признал «устройство небольшой горстью татар молитвенных домов и мечетей» в Тургайской степи (Лысенко, 2020, с. 70).

В 1900 г. кустанайцы Г. Рахимов (Мухамметрахимов), Ш. Забиров, А. Султанкулов, Ш. Сафин, А. Гайнуллин, С. Шарипов, Г. Фазлетдинов и Г. Вахитов отправили жалобу на это решение министра внутренних дел в высший государственный орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи } Сенат. Дело было рассмотрено 11 декабря 1903 г. (РГИА, 1903). Мнение противников строительства мечети в Кустанае представлял следующий военный губернатор Тургайской области А. А. Ломачевский, заявлявший о том, что желание построить мечеть «объясняется не действительными нуждами магометан, проживающих в Кустанае, а, судя по времени возбуждения ходатайства, совпадающим с окончанием постройки благолепного соборного храма в Кустанае, желанием татар под влиянием представителей одной богатой татарской фирмы (видимо, идет речь о фирме братьев Яушевых – З.М.), возвысить значение магометанства в глазах кочевников-киргизов, среди которых татары издавна являются ревностными пропагандистами ислама» (Нолькен, 1905, с. 325).

Также, по мнению военного губернатора, «татары явились сюда в качестве торгашей сомнительного достоинства товаров с целью наживы за счет киргизов, а главным образом для пропаганды магометанства среди кочевников. С этой точки зрения прочное водворение татар в Кустанае, как и в других степных городах, является, безусловно, вредным. Кроме того, постройка магометанами соборной мечети в Кустанае не может быть допу-

щена ввиду статьи 136 Степного положения и Высочайше утвержденного 10 июля 1891 г. определения 2-го Общего Собрания Правительствующего Сената (по делу Яушевых), в силу которых воспрещается нехристианам не только приобретение в вечное владение, но и долгосрочная аренда земли. Руководствуясь этими соображениями, считаю признать ходатайство магометан города Кустаная о подчинении их духовных дел ведению Оренбургского магометанского духовного собрания неосновательным» (1905, с. 325)

В свою очередь доверенные мусульман Ш. Забиров, Г. Рахимов и А. Султанкулов объяснили, что воспрещение приобретать земли в сих областях лицам нехристианского исповедования распространяется только на те земли, которые находятся в уезде (1905, с. 325). Изучив жалобу, сенаторы в прошении татарам тоже отказывают, поскольку «согласно статье 155 строительного устава, изданного в 1900 г., при возведении мечетей наблюдается между прочим правило, чтобы при всякой мечети прихожан было не менее двухсот наличных душ мужского пола и что между тем в Кустанае, как видно из дела, всех магометан с временно проживающими числится всего 366 душ мужского пола, для удовлетворения религиозных потребностей которых должно быть признано, согласно вышеприведенной статье 155 строительного устава вполне достаточно существующего в Кустанае молитвенного дома» (РГИА, 1903, л. 9).

Политическая ситуация в Российской империи существенно изменилась после Указа Императора Николая II «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г., который устанавливал свободу выбора религии и отправления религиозных обрядов. Уже в ноябре того же года присяжный поверенный Назаров по доверенности купца М. Яушева возбудил новое ходатайство о разрешении им построить на свои средства в городе каменный мусульманский храм (РГИА, 1903–1906, л. 169–172). На этот раз Министерство внутренних дел уже не стало препятствовать инициативе. 29 апреля 1906 г. строительным отделом Тургайского областного правления был утверждён его проект, и сразу же в центральной части города на пересечении крупных торговых улиц Троицкой (ныне ул. Абая) и Большой (ныне ул. Аль-Фараби) началось строительство мечети. Возведение мусульманского храма обошлось Яушевым в огромную для того времени сумму } в 50000–60000 рублей (Сулейманов, 1914). Из-за цвета стен в результате побелки молитвенный храм Яушевых получил название *Ак мәчет* (Белая мечеть).

В 1906 г. было удовлетворено и прошение о возведении соборной мечети в татарской слободе Кустаная, главными инициаторами которой на протяжении долгого времени выступали Ш. Забиров и Г. Рахимов. В 1907 г. строительным отделом Тургайского областного правления был утвержден план храма, а на следующий год началось его строительство в татарской слободе (ныне улица 8 Марта). Второго октября 1909 г. в новом культовом сооружении, вмещающем до 200–250 человек, было официально разрешено богомоление

(ЦГА РК, 1907 – 1912, л. 182). Так как при строительстве мечети был использован красный кирпич, ее стали называть *Кызыл мечет* (Красная мечеть).

После открытия мусульманских ритуальных зданий в Кустанае появляются храмы и в других населенных пунктах Тургайской области, где обособилось татарское население: в Актюбинске, в Семиозерном, в Тургае, в Джетыгаре, в Челкаре, в Карабутаке (НА РБ, 1836-1922).

Функционирование татарских школ

Помимо мечетей, в каждом крупном населенном пункте Тургайской области татары стремились открыть свои национальные школы. К этому времени для получения разрешения на это необходимо было обеспечить преподавание русского языка за счет самого мусульманского общества, наличие учителя, освидетельствованного на знание русского языка и на лояльность правительству, одобрение программы обучения с точным обозначением пособий и руководств и т.д. (Халитова, 1992, с. 53). Финансировать функционирование мусульманских школ и в том числе преподавание русского языка в них должны были сами общины.

Первое время татарские муллы, например в Кустанае, попросту игнорировали данные предписания, на что чиновники реагировали закрытием нелегальных школ и материальным наказанием учителей. Инспектор школ Тургайской области А. Е. Алекторов с негодованием писал по этому поводу: «Повсюду, где появляются татары, они открывают медресе. В Кустанае их насчитывается шесть или семь. Муллы переходят из дома в дом и трудно определить, где собственно школа и какая. Наконец-то в ноябре или декабре 1894 г. местная полицейская власть обнаружила три училища, были составлены акты о самовольном и незаконном их открытии. Нияз Бектемиров (Ниязбек Биктимеров } З.М.), Гатаулла Абдулатыпов (вероятно, речь идет о Гатаулле Абдуллаеве – З.М.) и Ягуда Хабибуллин (вероятно, речь идет о Ягуде Хайруллине – З.М.) были привлечены к ответственности за преступления и подвергнуты денежному взысканию» (Алекторов, 1896)

В 1905 г. в Кустанае все же были официально зарегистрированы два первых мусульманских мектеба (школы): мужской и женский. Помещение для них предоставили татарские купцы Г. Бикмухаметов и братья Яушевы. В школах обучалось 80 мальчиков и 36 девочек (ЦГА РК, 1907 – 1913, л. 15).

В 1910 г. был открыт еще один мусульманский мектеб в татарской слободе Кустаная. Заведовал им имам Красной мечети С. Забиров, в честь которого ее стали называть «Алсагдия». Мектеб был самым многочисленным среди мусульманских школ Кустаная, в нем получали образование одновременно около 130 учеников (ЦГА РК, 1910-1913, л. 15 об). В отличие от других учебных заведений, в нем так и не было введено обучение русскому языку.

Поэтому в 1913 г. по распоряжению директора народных училищ Тургайской области мектеб прекратил свою работу.

По мнению инспектора народных училищ 1-го района Кустанайского уезда Тургайской области И. Зорина, татарская слобода представляла собой «центр мусульманского фанатизма», где «постоянно уклоняются от открытия русского класса при существующем мектебе» (ЦГА РК, 1910-1913, л. 17). Попечители мечети в татарской слободе написали письмо на имя Императора Николая II, в котором объяснили отсутствие русского класса при школе «нехваткой средств на его содержание» и просили Императорское величество разрешить дальнейшую работу учебного заведения (ЦГА РК, 1907-1913, л. 176). На помощь просителям пришла кустанайская городская дума, которая изыскала 2400 рублей на содержание русского класса в школе (ЦГА РК, 1907-1913, л. 89).

В 1913 г. в Кустанае на условиях обязательного преподавания русского языка татарам удалось открыть и второй женский мектеб. Финансирование его осуществлялось исключительно на частные пожертвования, которые составляли 1255 рублей в год (ЦГА РК, 1907-1913, л. 85). Здание для школы арендовал купец М. В. Галиев. Все учебные заведения были хорошо обеспечены учебниками, изданными в Казани и в Оренбурге. Уроки в кустанайских мусульманских школах велись на двух языках, в первую половину (с 8 утра до 12 часов) на русском, а во вторую (с 16 до 19 часов) } на татарском. Соотношение часов в пользу русского языка было определено распоряжением инспектора народных училищ, что вызывало недовольство со стороны татарской общности. Например, корреспондент газеты «Тормыш» Ш. Сулейманов писал на этот счет из Кустаная: «В чистые, невинные души и мозги детей вместо родного языка, родной литературы внедряется русский язык, русская литература. Невозможно не выразить сочувствие по этому поводу» (Сулейманов, 1914).

Попечители Красной мечети не раз обращались с прошением к директору народных училищ Тургайской области пересмотреть данное указание, но это было безрезультатно (ЦГА РК, 1907-1913, л. 58).

Возможность получить образование на национальном языке имели татары и в ряде других населенных пунктах Тургайской области: в Актюбинске, Тургае, Иргизе, Семиозерном.

В Иргизе под школу предоставил свой дом Н. Габбасов, в Тургае два дома и половину своего земельного участка выделил Г. Галиуллин (Т. 1910).

Многие из татарских школ в Тургайской области были джадидистскими, прогрессивными. В них, помимо каллиграфии и религиозных предметов, появляются светские дисциплины по европейским стандартам: арифметика, география, естествознание, история, основы физики, рукоделие (в женских школах), а также музыка и поэзия, на которые отводится не менее половины учебного времени. При обучении использовались технологические новшества того времени: парты, доски, карандаши.

Татарские школы в степной зоне стали одним из очагов распространения идей джадидизма в степной зоне.

Театральное движение

Становление татарского театрального движения в отличие от развития многих других направлений деятельности не вызывало такого противодействия со стороны царской власти. Однако данный вид искусства воспринимался неоднозначно внутри самой татарской общины.

Осенью 1911 г. в Кустанае возникла самодеятельная труппа «Мусульмане, любители драматического искусства», организаторами которой стал будущий известный татарский актер и режиссёр Х. Абжалилов (Абзалилов), а также Р. Мухамадиев, А. Мустафин, молодые поэты А. Галимов и В. Халили (Халилов, Зубайдуллин). Для первого отделения литературного вечера выбрали одноактную комедию «Путешествие в Казань». В программу второго отделения были включены стихотворения Г. Тукая, М. Гафури, М. Укмасья, башкирские народные песни «Ашкадар», «Тафтиляев» и башкирские танцы. Для того, чтобы получить разрешение уездного начальника на проведение вечера, пришлось предоставить ему перевод на русский язык самой пьесы, стихотворений и песен (Кудаш, 1984, с. 58).

Против постановки спектакля в Кустанае выступил имам Белой мечети Г. Абдулвалиев (Габдулвалиев), управляющий торговыми делами Яушевых Ш. Баязитов, приказчик М. Юсупович Исхаков (Исхаков) и др. Мусульманские консерваторы, кадимисты, видели в театре желание подражать европейскому образу жизни и отвращать мусульман от веры. Особенно негативно они относились к участию в данных мероприятиях женщин. Кадимисты опасались, что это могло привести «слабый пол» к моральной распущенности (1984, с. 58).

Премьера первого татарского спектакля состоялась в Кустанае 6 декабря 1911 г.. Под влиянием кадимистов в первом театральном мероприятии не участвовала ни одна женщина, женские роли пришлось исполнять мужчинам. Представление проходило под охраной полиции. Вплоть до 1914 года артисты театра не решались указывать на афишах свои имена и фамилии, скрываясь по псевдонимами. На сцене ставились спектакли «Иртэ бер, кич бер» («Утром и вечером»), «Беренче театр» («Первый театр») (Г. Камала), «Мөгаллим» («Учитель») (Г. Исхаки), «Казанга сяхэт» («Путешествие в Казань») (И. Казаков), «Имчелэр корбаны» («Жертва знахарей»), «Кияу изляу» («Поиск жениха») (Гайнетдинов, 2016, с. 233).

Представления ставились в зале общественного собрания Кустаная. Спектакли дополнялись другими развлекательными номерами, например, танцами, исполнением казахских песен, игрой оркестра балалаечников, что привлекало к постановкам и казахское население.

В это же время татарское театральное движение зарождается и в Актюбинске. В городе для поддержки театральной деятельности была создана специальная молодёжная культурно-просветительская организация «Актүбә шәһәре яшьләренең музыка-драма түгәрәге» (Музыкально-драматический молодёжный кружок города Актюбинска) (Габбасов – Бурлинский, 1915).

Деньги с продажи билетов на театральные постановки в Кустанае и Актюбинске шли на благотворительные цели: на поддержку бедных учеников и учениц татарских школ, в пользу российского воздушного флота и т.п.

Создание благотворительных организаций

Для обучения татар грамоте, поддержке в сфере просвещения, функционирования библиотек, издания книг, брошюр, газет, проведения лекций, литературных вечеров, а также финансовой помощи малоимущим татары в Тургайской области пытаются открыть мусульманские благотворительные организации. Однако и здесь общественные активисты встретили резкое противодействие со стороны чиновников.

Организационные механизмы и принципы функционирования общественных организаций были определены Манифестом 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» и получили дальнейшее правовое закрепление во Временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. (Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 26. № 27479, 1906).

18 марта 1909 г. жители Кустаная М. А. Яушев, Г. Х. Якупов, Л. Г. Кучакбаев, Г. Б. Бикмухаметов и С. Насыров, кустанайский мещанин М. Д. Мухамадеев, ташкентский мещанин А. Х. Латыпов, троицкий мещанин Ш. Х. Баязитов пишут прошение на имя губернатора Тургайской области И. М. Страховского разрешить им открыть благотворительное общество, так как среди мусульман города «есть сироты, калеки и престарелые, которые за отсутствием и неимением родственников и близких людей, кое-как влачат свое существование, не говоря уже о постоянном поиске хлеба, люди эти остаются без присмотра, а молодежь без всякого просвещения и воспитания. Это безвыходное положение наших братьев заставило нас озаботиться образованием в Кустанае к примеру других городов Российской империи благотворительного мусульманского общества прогрессистов, которое примет на себя заботы в поддержании существования бедных и больных мусульман, так и в просвещении их преподаванием грамоты, Закона Божия и других полезных знаний, дабы сформировать из них истинных сынов своего отечества и Государя» (ЦГА РК, 1909-1917, л. 60 об.).

21 июля 1909 г. Тургайское областное правление разрешило регистрацию Кустанайского мусульманского общества прогрессистов (ЦГА РК, 1909-1917, л. 64 об.). 21 августа 1909 г. даже был утвержден Устав общества, а 10 ноября

состоялось первое заседание новой организации. Однако вскоре против функционирования общества выступил сам губернатор Тургайской области И. М. Страховский. Его не устроили некоторые пункты Устава общества, о чем он сообщил министру внутренних дел П. А. Столыпину (ЦГА РК, 1909–1917, л. 60 об.). В Министерстве внутренних дел с подачи губернатора также усмотрели то, что параграф 2 Устава общества о приобретении недвижимого имущества (параграф 2) вступал вразрез со статьей 136 Степного положения о запрете лицам не христианского вероисповедания, за исключением туземцев (под ними подразумевались казахи), приобретение земли в степных областях. Нарекание вызвал и 40-й параграф устава, в котором говорилось о том, что все имущество общества в случае прекращения его деятельности должно перейти действующей мечети. Это надзорными органами было расценено как вакуф, а он, согласно 100 статье Степного положения, в степной зоне не допускался.

26 июля 1910 г. Тургайское областное правление пересмотрело свое же собственное решение и сочло Устав неправильным. Просителям сообщалось также, что утверждать документ должна не областная администрация, поскольку общество религиозное, а министр внутренних дел (ЦГА РК, 1912, л. 77). Регистрация была аннулирована.

В 1912 г. татары, изменив Устав, пытаются открыть новую организацию. Главной целью ее создания провозглашалась, как и ранее, помощь сиротам, калекам, неимущим больным и престарелым мусульманам Кустаная. Видимо, чтобы чиновники царской администрации утвердили документ, в нем упоминалось желание «слиться с русским народом на почве культурной», для чего благотворительное общество намеревалось «всеми зависящими от него способами намеренно содействовать образованию детей мусульман Кустаная в учебных заведениях, при условии преподавания в них мусульманского вероучения учителями муллами» (ЦГА РК, 1912, л. 504).

Общество ставило такие цели:

- оказывать помощь мусульманам путем выдачи пособий, содействия в поисках работы;
- помогать людям, стремящимся к образованию, но не имеющим для этого средств;
- издавать книги, брошюры, газеты;
- устраивать лекции, собеседования, литературные вечера;
- оказывать юридическую, материальную и нравственную поддержку как членам общества, так и всем мусульманам (ЦГА РК, 1912, л. 504).

В отличие от первого Устава, во втором был исключен пункт о возможности владения недвижимым имуществом. Кроме членских взносов и частных пожертвований планировалось пополнять казну общества из *закятов* (обязательного ежегодного налога, выплачиваемого с различного вида доходов и

имущества (движимого и недвижимого) всеми самостоятельными, свободными, дееспособными и взрослыми мусульманами в пользу нуждающихся единоверцев), доходов от издания книг и газет, публичных чтений и т.д. Членом общества мог стать любой мусульманин Тургайской области. Женщины могли участвовать в делах через доверенных. Несмотря на переданный текст Устава, он все равно так и не был утвержден. Поводом для отказа послужили отсутствие его второго экземпляра и нотариально заверенных подписей (ЦГА РК, 1912, л. 573).

Аналогичная ситуация возникла и с мусульманскими просветительскими обществами в Актюбинске и Иргизе. Изначально «Актүбә мөселман жәмгыяте» («Актюбинское мусульманское общество») в 1909 г. было зарегистрировано, но уже на следующий год оно было закрыто, поскольку региональные органы власти сочли, что деятельность общества выходит далеко за рамки просветительской работы. Попытки его перерегистрировать также не увенчались успехом.

Татарам удалось открыть мусульманские благотворительные общества лишь в 1917 г.. В Актюбинске было созданы «Актүбә шәһәре мөселманан яшьләр оешмасы» (Актюбинское мусульманское молодежное объединение)(Сорокин, 1917), Актюбинское мусульманское бюро, в Кустанае было учреждено мусульманское культурно-просветительское общество «Берлик» (Единство), в Иргизе «Иргиз шәһәре мөслимә ханымнар оешмасы» (Мусульманское дамское общество города Иргиза) (М, 1917) и «Яшь мөселмананар оешмасы» (Организация молодых мусульман), в селе Мартук «Мартук станциясе мөселман яшьләр түгәрәге» (Кружок мусульманской молодежи) (Аитов, 1917).

Актюбинское мусульманское молодежное объединение, Организация молодых мусульман, Мусульманское дамское общество города в Иргизе, «Кружок мусульманской молодежи» в селе Мартук ставили своей целью повышение культурно-образовательного уровня молодежи. Обществами были открыты татарские библиотеки.

Борьба за религиозные и политические права

С начала XX в. в Тургайской области, как и в других регионах степной зоны, начинается процесс консолидации мусульман в отстаивании своих прав.

Они стали писать коллективные петиции в Государственную думу, требуя:

- подчинения мусульманского духовенства степной зоны ОДМС; предоставления ему исключительного права давать разрешения на строительство мечетей, школ, медресе, а также контролировать деятельность мусульманских школ;
- избирать муфтия самостоятельно; предоставить мусульманскому духовенству равные права со священниками; освободить мулл от требования

обязательного знания русского языка; отказать миссионерам в праве вмешиваться в мусульманское вероучение;

- отменить цензуру; дать возможность вопросы никаха, наследства и семейных дел мусульман решать по законам шариата; разрешить мусульманам не торговать в пятницу и в мусульманские праздники и работать в христианские;
- разрешить в начальных и средних русских школах детям- мусульманам преподавать (мугалимам) основы ислама; всем детям мусульманам в школах предоставить возможность молиться, отпустить (уходить) в мечеть на намаз в пятницу и во время мусульманских праздников; не заставлять мусульманских детей находиться в классе с непокрытой головой, так как это противоречит законам шариата (А. 1906).

Татары Тургайской области просили также разрешить муллам вести метрические книги, где фиксировались рождение, смерть и никахи (мусульманский ритуал заключения брака). Отсутствие таких записей на протяжении десятилетий вызывало большую неразбериху, в том числе и во время призыва на военную службу.

29 января 1908 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий пошел навстречу татарскому населению Кустаная и в качестве эксперимента разрешил вести метрические книги (Усманова, 2015, с. 133). Однако он не разъяснил, от кого муллы должны были получить их. ОДМС не имело право предоставлять данный журнал, поскольку регион не входил в область его подчинения, а Тургайская областная администрация – потому что закон не давал ей права снабжать магометанское духовенство метрическими книгами (РГИА, 1909, л. 4). В сложившейся ситуации вице-губернатор Д.С. Мишин сам запросил метрические книги в ОДМС и отослал их имаму Белой мечети Гатауллы Абдулвалиевы (Валиеву). Губернатором И.М. Страховским в донесении в Департамент духовных дел иностранных исповеданий это было оценено как «официальное признание подчинения Тургайской области ведомству ОДМС» (РГИА, 1909, л. 17-21), а опыт ведения метрических книг был признан неудачным. Вице-губернатор был уволен, а метрические книги у имама Гатауллы Абдулвалиевы отняты (РГИА, 1909, л. 25).

Представлявший Тургайскую область в Государственной думе выпускник Казанского университета казах А. К. Беремжанов в составе мусульманской фракции выступил за отмену ограничений в политических и гражданских правах, связанных с вероисповеданием и национальностью. Однако после нового избирательного закона 1907 г. «инородческое население» Тургайской области, как и ряда других национальных окраин, было лишено права посылать своих избранников в Государственную думу.

Уроженец Кустаная журналист А. Т. Гисматуллин, известные в Тургайской области купцы Г. А. Яушев и М. А. Яушев вместе с казахами принимали

активное участие во Всероссийских мусульманских съездах, на которых делегаты от разных регионов Российской империи вырабатывали общую стратегию борьбы за отмену всех ограничений в законодательстве по отношению к единоверцам и равенство в правах с русским населением. В программных документах III съезда были выдвинуты и положения о том, что приоритет в начальных мусульманских школах должен быть отдан языку тюрки (Хабутдинов & Мухетдинов, 2005, с. 25).

На мусульманском съезде в 1917 г. было принято решение о переводе отделов казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской областей в ведение ОДМС. Съезд принял решение об обязательном для всех бесплатном образовании, преподавании в мусульманских школах наряду с родным «единого тюркского языка» (Всероссийский съезд мусульман, 2004, с. 521). Были созданы политические структуры: исполнительный и представительный органы мусульман России. Реальными органами власти стали *Вақытлы Милли Идарэ* (временное национальное правительство) и *Милли Шура* (национальные Советы) губерний и местные комитеты. Активными участниками Кустанайского местного комитета (мусульманского собрания) были Ш. Я. Абдулганеев, М. В. Галиев, Х. Ф. Давлеткильдеев, В. Халили (Зубайдуллин) и другие. На его заседаниях рассматривались жалобы на посещение с целью проверки инспекторами Министерства народного просвещения мектеба для девочек, что противоречило канонам шариата, на нарушения во время празднования Мавлюда и т.д. (Баруди, 2004, с. 76). После прихода к власти большевиков данные органы власти, а также благотворительные организации были упразднены.

Выводы

Религиозно-просветительскую деятельность татар в Тургайской области можно рассматривать как одно из проявлений фронтирной модернизации. Если сначала империя целенаправленно использовала мобильную диаспору для внутренней колонизации степной зоны, то после середины XIX метрополия разнообразными способами препятствовала её активности. Наиболее сложно татарам был селиться, открывать мечети и мусульманские благотворительные организации, вести метрические книги в Тургайской области. Однако заградительные меры в условиях слабости имперской власти часто не соблюдались, были непоследовательны, вариативны и ситуативны, смягчаясь в том числе и под давлением представителей мобильной диаспоры.

Несмотря на свою незначительную численность и противодействие государства, к революционным событиям 1917 г. татарам удалось создать в Тургайской области целую религиозно-просветительскую инфраструктуру, включающую в себя мечети, медресе, театры, библиотеки, благотворительные общества, которые объединяли все мусульманские народы региона.

Религиозно-просветительская деятельность татар не только помогала самой этнической группе поддерживать свою этнокультурную и религиозную самобытность, но и оказывала существенное влияние на другие мусульманские народы, главным образом, на казахов. Целый ряд представителей казахской интеллигенции получили образование у татарских наставников. У кочевого населения под воздействием татар прослеживаются культурные новации, исламизация, что препятствовало их христианизации и ассимиляции. Они вместе с татарами начинают отстаивать свои религиозные и политические права, участвовать во всероссийских мусульманских съездах.

Благодарности

Публикация подготовлена по государственному заданию № 0599–2019–0043 «Проблема отклоняющегося поведения в системе современного человеческого поведения».

Список литературы

- Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and Proletarian Diasporas. *The American Political Science Review*, 70(2), 393–408. <https://doi.org/10.2307/1959646>
- А. К. (1906, июнь 29). Кустанай [Kustanai]. *Вақыт*. (На татарском).
- Аитов, Ф. (1917, июль 5). Мартук [Martuk]. *Вақыт*. (На татарском).
- Алекторов, А. Е. (1896, июнь 12). Нечто о рубле. *Тургайская Газета*.
- Баруди, Г. (2004). Кызыльяр сәфәре [Travel to Kuzyl-Zhar]. *Иман*. (На татарском).
- Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. (1883). Типография Министерства внутренних дел.
- Всероссийский съезд мусульман. (2004). В *Казахстан: Национальная энциклопедия* (Т. 1, с. 560). Қазақ энциклопедиясы.
- Габбасов – Бурлинский, Э. (1915, январь 15). Ақтүбәдә татарча театр [Aktobe Tatar Theater]. *Вақыт*. (На татарском).
- Гайнетдинов, А. М. (2016). Язма һәм музыкаль мирас үзәгендә сакланучы борынгы театр афишалары [Old theater posters stored in the center of written and musical heritage]. В *Темп XXI в. И вызовы нового времени* (с. 230–234). ИЯЛИ. (На татарском).
- Галиев, В. З. (2009). Участие татарских мулл в развитии образования среди казахов в 20–60-х годах XIX века (на материалах внешних окружных приказов). В *Фаизхановские чтения. Материалы пятой ежегодной научно-практической конференции* (с. 203–212).
- Добромыслов, А. И. (1895). *Скотоводство в Тургайской области* (Тургайский Областной Статистический Комитет). Типография Н.Н. Жаринова.
- Ильминский, Н. И., Победоносцев, К. П., & Никольский, Н. (1895). *Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву*. Редакция Православного собеседника.

- Кудаш, С. (1984). *По следам юности. Жазушы.*
- Кустанай–Костанай: *Очерки истории. С древнейших времен до 1936 г.* (2012). Костанайполи-графия.
- Лысенко, Ю. А. (2010). «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.). *Известия Алтайского государственного университета*, 4–3, 146–152.
- Лысенко, Ю. А. (2019). Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.). *Народы и религии Евразии*, 3, 128–138. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)3-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)3-09)
- Лысенко, Ю. А. (2020). Политика военных губернаторов Тургайской области в сфере регулирования религиозной жизни мусульманских общин. *Десятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен. Сборник статей междуна-родной научно-практической конференции*, 2, 70–73.
- Любичанковский, С. В. (2019). К истории бытовой аккультурации казахов и татар в Российской империи XIX в. *Известия Саратовского университета*, 19(3), 279–282. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282>
- М. М. (1917, июль 21). Ыргызда яшь мөселманнар оешмасы [The organization of Young Muslims in Irgiz]. *Вақыт. (На татарском).*
- Муфтахутдинова, Д. Ш. (2023). Аграрная политика Российской империи в Казахской степи сквозь призму православного миссионерства. *Minbar. Islamic Studies*, 16(3), 562–584. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-3-562-584>
- Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). (1836–1922). Ф.И. 295. Оп.2. Д.8.
- Нолькен, А. М. (1905). Вопросы административной практики, бывшие на рассмотрение консультации, при Министерстве Юстиции учрежденной в 1901–1905 г.г. *Журнал Минис-терства юстиции*, 6, 317–414.
- Нуртазина, Н. Д. (2008). *Народы Туркестана: Проблемы ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX - XX в.)*. Казак университеті.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Т. 87: Тургайская область. (1904). Центральный Статистический комитет Министерства внутренних дел.
- Побережников, И. В. (2013). Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен. *Россия реформирующаяся*, 12, 246–274.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 26. № 27479. (1906). СПб.
- Ремнев, А. В. (2006). Татары в казахской Степи: Соратники и соперники Российской империи. *Вестник Евразии*, 4, 5–32.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1883–1892). Ф. 821. Оп. 8. Д. 688.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1895). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 42.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1903–1906). Ф. 821. Оп. 8. Д. 689.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1903). Ф. 1330. Оп. 9. Д. 793.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). (1909). Ф. 821. Оп. 8. Д. 634.

- Соколов, Ф. (1894, май 1). Православный миссионер в киргизских аулах Тургайской области. *Оренбургские епархиальные ведомости*, 9, 9.
- Сорокин, Г. (1917, июнь 21). Актүбә [Aktobe]. *Вақыт*. (На татарском).
- Справочная книжка и адрес-календарь Тургайской области на 1917 г.* (1917). Типография Тургайского областного правления.
- Степное положение 25 марта 1891 г. С объяснениями по официальным источникам.* (1891). Земское отделение Министерства внутренних дел.
- Сулейманов, Ш. (1914, январь 31). Кустанайдан [From Kostanay]. *Тормыш*. (На татарском).
- Султанглиева, Г. С. (2023). *Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в)*. ИЯЛИ.
- Т. Т. (1910, август 31). Тургай шәһәре [Turgay City]. *Вақыт*. (На татарском).
- Усманова, Д. М. (2015). Мусульманские метрические книги Российской империи: Между законом государством и общиной (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.). *Ab Imperio*, 2, 106–153. <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0034>
- Хабутдинов, А. Ю., & Мухетдинов, Д. В. (2005). *Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг.* НИМ «Махинур».
- Халитова, И. Р. (1992). *Проблемы народного образования в Казахстане в 1867–1914 гг.*
- Хохлов, И. С. (1906). *Тургайская область*. Типография Попечительского Императорского человеколюбского общества.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1883–1888). Ф. 25. Оп. 1. Д. 3510.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1884–1889). Ф. 25. Оп. 1. Д. 3803.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1906–1910). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2919.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1907–1913). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1406.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1909–1917). Ф. 25. Оп. 1. Д. 1005.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1910–1912). Ф. 27. Оп. 1. Д. 178.
- Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). (1912). Ф. 25. Оп. 1. Д. 797а.
- Шаблей, П. С. (2023). Нияз-Мухаммад Сулейманов и книжная культура мусульман Казахской степи в начале XX в. *Эхо Веков*, 2, 173–184.
- Шумская, Е. П. (2012). Священник-миссионер Феодор Соколов и развитие миссионерской деятельности русской православной церкви в Тургайской области на рубеже XIX–XX вв. *Гороховские чтения. материалы третьей региональной музейной конференции*, 159–172.

References

- A. K. (1906, June 29). Kustanai. *Vakit*. (In Tatar).
- Aitov, F. (1917, July 5). Martuk. *Vakit*. (In Tatar).
- Alektorov, A. E. (1896, June 12). Nechto o ruble. *Turgayskaya Gazeta*. (In Russian).
- Armstrong, J. A. (1976). Mobilized and Proletarian Diasporas. *The American Political Science Review*, 70(2), 393-408. <https://doi.org/10.2307/1959646>
- Barudi, G. (2004). *Kyzyl'yar səfərə*. Iman. (In Tatar).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1883-1888). F. 25. In. 1. C. 3510. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1884-1889). F. 25. In. 1. C. 3803. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1906-1910). F. 25. In. 1. C. 2919. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1907-1913). F. 25. In. 1. C. 1406. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1909-1917). F. 25. In. 1. C. 1005. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1910-1912). F. 27. In. 1. C. 178. (In Russian).
- Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (CSA RK). (1912). F. 25. In. 1. C. 797a. (In Russian).
- Dobromyslov, A. I. (1895). *Skotovodstvo v Turgayskoy oblasti (Turgayskiy Oblastnoy Statisticheskiy Komitet)*. Tipografiya N.N. Zharinova. (In Russian).
- Gabbasov – Burlinskiy, Ə. (1915, January 15). Aktybədə tatarcha teatr. *Vakit*. (In Tatar).
- Galiev, V. Z. (2009). Uchastie tatarskikh mull v razvitii obrazovaniya sredi kazakhov v 20–60-kh godakh XIX veka (na materialakh vneshnikh okruzhnykh prikazov). In *Faizkhanovskie chteniya. Materialy pyatoy ezhegodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (pp. 203–212). (In Russian).
- Gaynetdinov, A. M. (2016). Yazma hәм muzykal' miras yzәgendә saklanuçı boringy teatr afishalary. In *Teatr XXI v. I vyzovy novogo vremeni* (pp. 230–234). IYALI. (In Tatar).
- Il'minskiy, N. I., Pobedonostsev, K. P., & Nikol'skiy, N. (1895). *Pis'ma N.I. Il'minskogo k ober-prokuroru Svyateyshego Sinoda Konstantinu Petrovichu Pobedonostsevu*. Redaktsiya Pravoslavnogo sobesednika. (In Russian).
- Khabutdinov, A. Yu., & Mukhetdinov, D. V. (2005). *Vserossiyskie musul'manskie sezdy 1905–1906 gg. NIM "Makhinur"*. (In Russian).
- Khalitova, I. R. (1992). *Problemy narodnogo obrazovaniya v Kazakhstane v 1867–1914 gg.* (In Russian).
- Khokhlov, I. S. (1906). *Turgayskaya oblast'*. Tipografiya Popechitel'skogo Imperatorskogo chelovekolyubskogo obshchestva. (In Russian).
- Kudash, S. (1984). *Po sledam yunosti. Zhazusy*. (In Russian).
- Kustanay–Kostanay: Ocherki istorii. S drevneyshikh vremen do 1936 g.* (2012). Kostanaypoligrafiya. (In Russian).

- Lysenko, Yu. A. (2010). «Tatar's Problem» in the Confessional Policy of Russian Empire in Kazakhstan (The end of the XVIIIth the early XXth centuries). *Izvestiya of Altai State University*, 4-3, 146-152. (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2019). The position of officials of the Orenburg Department on the legal regulation of the spiritual life of the Kazakhs of the Ural and Turgay regions (40-80-ies of XIX century). *Nations and Religions of the Eurasia*, 3, 128-138. [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)3-09](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)3-09) (In Russian).
- Lysenko, Yu. A. (2020). Politika voennykh gubernatorov Turgayskoy oblasti v sfere regulirovaniya religioznoy zhizni musul'manskikh obshchin. *Desyatye Bol'shakovskie Chteniya. Orenburgskiy Kray Kak Istoriko-Kul'turnyy Fenomen. Sbornik Statey Mezhdunarodnoy Nauchno-Prakticheskoy Konferentsii*, 2, 70-73. (In Russian).
- Lyubichankovskiy, S. V. (2019). On the History of Domestic Acculturation of the Kazakhs and the Tatars in the Russian Empire of the 19th Century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 19(3), 279-282. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-3-279-282> (In Russian).
- M. M. (1917, July 21). Yrgyzda yash' myselmannar oeshmasy. *Vakit*. (In Tatar).
- Muftakhutdinova, D. Sh. (2023). Agrarian policy of the Russian Empire in the Kazakh steppe through the prism of Orthodox missionary work. *Minbar. Islamic Studies*, 16(3), 562-584. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2023-16-3-562-584> (In Russian).
- National Archive of the Republic of Bashkortostan (NA RB). (1836-1922). F.I. 295. In.2. C.8. (In Russian).
- Nolken, A. M. (1905). Voprosy administrativnoy praktiki, byvshie na rassmotrenii konsultatsii, pri Ministerstve Yustitsii uchrezhdennoy v 1901-1905 g.g. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*, 6, 317-414. (In Russian).
- Nurtazina, N. D. (2008). *Narody Turkestana: Problemy islama, integratsii, modernizatsii i dekolonizatsii (na rubezhe XIX – XX v.)*. Qazaq universiteti. (In Russian).
- Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.: T. 87: Turgayskaya oblast'*. (1904). Tsentral'nyy Statisticheskiy komitet Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Poberezhnikov, I. V. (2013). Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen. *Rossiia Reformiruyushchayasya*, 12, 246-274. (In Russian).
- Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie 3. T. 26. № 27479*. (1906). SPb. (In Russian).
- Remnev, A. V. (2006). Tatory v kazakhskoy Step: Soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii. *Vestnik Evrazii*, 4, 5-32. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1883-1892). F. 821. Op. 8. D. 688. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1895). F. 1291. In. 84. C. 42. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1903-1906). F. 821. In. 8. C. 689. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1903). F. 1330. In. 9. C. 793. (In Russian).
- Russian State Historical Archive (RSHA). (1909). F. 821. In. 8. C. 634. (In Russian).
- Shabley, P. S. (2023). Niyaz-Mukhammad Suleymanov and the Muslim Book Culture in the Kazakh Steppe in the early 20th century. *Gasyrlar Avazy – Eho Vekov [Echo of Centuries]*, 2, 173-184. (In Russian).

- Shumskaya, E. P. (2012). Svyashchennik-missioner Feodor Sokolov i razvitie missionerskoy deyatel'nosti russkoy pravoslavnoy tserkvi v Turgayskoy oblasti na rubezhe XIX-XX vv. *Gorokhovskie Chteniya. Materialy Tretyey Regional'noy Muzeynoy Konferentsii*, 159–172. (In Russian).
- Sokolov, F. (1894, May 1). Pravoslavnyy missioner v kirgizskikh aulakh Turgayskoy oblasti. *Orenburgskie Eparkhial'nye Vedomosti*, 9. (In Russian).
- Sorokin, G. (1917, June 21). Aktybә. *Vakit*. (In Tatar).
- Spravochnaya knizhka i adres-kalendar' Turgayskoy oblasti na 1917 g.* (1917). Tipografiya Turgayskogo oblastnogo pravlenie. (In Russian).
- Stepnoe polozhenie 25 marta 1891 g. S obyascheniyami po ofitsial'nym istochnikam.* (1891). Zemskoe otdelenie Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Suleymanov, Sh. (1914, January 31). Kustanaydan. *Tormysh*. (In Tatar).
- Sultanglieva, G. S. (2023). *Tatarskie mully i pis'movoditeli v Kazakhskoy stepi (XVIII – pervaya polovina XIX v).* IYALI. (In Russian).
- T. T. (1910, August 31). Turgay shәhәre. *Vakit*. (In Tatar).
- Usmanova, D. M. (2015). Musul'manskie metricheskie knigi Rossiyskoy imperii: Mezhdue zakonom gosudarstvom i obshchinoy (vtoraya polovina XIX – pervaya chetvert' XX vv.). *Ab Imperio*, 2, 106–153. <https://doi.org/10.1353/imp.2015.0034> (In Russian).
- Vremennoe polozhenie ob upravlenii v oblastiakh Uralskoy, Turgayskoy, Akmolinskoy i Semipalatinskoy.* (1883). Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. (In Russian).
- Vserossiyskiy sez'd musul'man. (2004). In *Kazakhstan: Natsional'naya entsiklopediya* (Vol. 1, p. 560). Qazaq entsiklopediya. (In Russian).